

Влияние позиции подростка в буллинге на его агрессивное поведение и самооценку

Гусейнова Е.А.,

магистр психологии, педагог-психолог, Политехнический колледж № 39 (ГБОУ СПО ПК № 39), Москва, Россия, polikashkina@mail.ru

Ениколопов С.Н.,

кандидат психологических наук, профессор, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета юридической психологии, ГБОУ ВПО МГППУ, Москва, Россия, enikolopov@mail.ru

В исследовании с участием 150 подростков в возрасте от 15 до 18 лет основной акцент был сделан на соотношении позиции жертвы буллинга и уровня ее агрессивности. Использовались следующие методики: анкета, метод социометрии, Шкала самоуважения Розенберга, Опросник диагностики агрессивного поведения Басса-Перри. Мы проверяли предположение, что люди, занимающие позицию жертвы буллинга, обладают высоким уровнем агрессии. Анализ результатов показал, что наибольшее количество испытуемых выступают в роли агрессора/жертвы, чаще всего подростки сталкиваются с вербальным типом буллинга. В исследовании проводился анализ гендерного аспекта буллинга. Был сделан вывод, что группа агрессоров/жертв буллинга является наиболее сложной и опасной для развития личности подростка. Также были сделаны выводы о плохой осведомленности преподавательского состава о буллинге и о терпимости к буллингу в образовательной среде. В соответствии с результатами исследования выявляются и обозначаются механизмы формирования и проявления агрессивного поведения в буллинге.

Ключевые слова: школа, подростки, социальная адаптация, агрессивное поведение, самооценка, буллинг, виктимизация, жертва.

Современный ребенок входит в мир, предельно сложный по своему содержанию и тенденциям социализации. Среди подростков и детей усиливаются инфантильные тенденции: недостаточная самостоятельность, скудный опыт социальной жизни. Современное общество порождает кризисные явления и в школьной среде. Изъяны в духовном становлении учащихся – результат многих слагаемых. Здесь и неблагоприятные семейные, социальные условия, и массовая культура с ее насилием и жестокостью, и идеологически-нравственные трудности, испытываемые нашим обществом, и нарушение

Для цитаты:

Гусейнова Е.А., Ениколопов С.Н. Влияние позиции жертвы буллинга на агрессивное поведение [Электронный ресурс] // Психологическая наука и образование psyedu.ru. 2014. №1. URL: http://psyedu.ru/journal/2014/2/Guseinova_Enikolopov.phtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For references:

Huseynova E.A., Yenikolopov S.N. Influence of the bullying victim position on aggressive behavior [Elektronnyi resurs] *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie PSYEDU.ru [Psychological Science and Education PSYEDU.ru]*, 2014, no. 1. Available at: http://psyedu.ru/journal/2014/2/Guseinova_Enikolopov.phtml (Accessed dd.mm.yyyy). (In Russ., Abstr. in Engl.)

преемственности между поколениями, рост бездуховности и внедрение чуждых ценностей [1].

Школа занимает особое место среди институтов социализации, позволяющих подросткам приобретать социальный опыт. Зачастую безразличие или ошибки педагогов, а также негативные отношения со сверстниками в школе имеют для учащегося большее значение и влекут более тяжелые последствия в будущем, чем внутрисемейные разногласия или утрата влияния семьи.

В нашем обществе до недавнего времени было принято считать, что школа – безопасное для детей место. Однако насилие в школах внесло свой вклад в понимание того, что психологически безопасных мест для подростка в современном мире просто нет. Безопасность для всех членов школы является необходимым условием эффективности обучения. Но, к сожалению, в образовательной среде все чаще встают вопросы о проявлении агрессии среди обучающихся, а также о мерах, которые могут использовать и применяют преподаватели с целью пресечения агрессивного поведения. Школьные издевательства и унижения как со стороны обучающихся, так и со стороны преподавателей – негативно сказываются на атмосфере в школе, а страх, депрессия и жалобы подростков на здоровье влияют на посещаемость ими школы, концентрацию на занятиях и успеваемость учеников [4].

С середины прошлого века ведутся активные исследования причин формирования агрессивного поведения, по средствам которых был выделен частный случай агрессивного поведения, названный буллингом. Буллинг определяется как повторная и неоднократная агрессия, когда один или несколько человек намереваются навредить другому человеку или потревожить его (помешать ему) физически, словесно или в психологическом отношении [7]. По мнению большинства исследователей, буллинг включает в себя четыре главных компонента. Буллинг – это агрессивное и негативное поведение (1), которое осуществляется регулярно (2), происходит в отношениях, участники которых обладают неодинаковой властью (3), и это поведение является умышленным (4). Существует четыре основных типа буллинга: физический, вербальный, социальный, или психологический, и электронный [9]. Ролевая структура буллинга содержит три основные позиции: булли, жертвы и булли/жертвы.

Буллинг – явление глобальное и массовое. Во всем мире в начальной и средней школе распространены буллинг и виктимизация. Обобщая данные, можно констатировать, что частота проявления буллинга и виктимизации колеблется от 15 % до 25 % в Австралии, Австрии, Англии, Финляндии, Германии, Норвегии и Соединенных Штатах Америки [8].

Буллинг представляет собой серьезную угрозу для благополучного развития подростка во время школьной жизни. Хулиганы, участвующие в буллинге, обладают высоким риском вовлечения в противоправное поведение, преступления и злоупотребление алкоголем. Люди, ставшие жертвами, подвергаются повышенному риску развития депрессии, заниженного чувства собственного достоинства и самооценки во взрослой жизни. Важно понимать, что буллинг влияет не только на непосредственных его участников, но и на всех учеников в классе, школе и, в конечном итоге, на значительно более широкий круг людей, что также подтверждают исследования в этой области [3]. Исследователи пришли к заключению, что «буллинг позволяет детям достигать своих непосредственных целей без изучения и применения социально приемлемых способов достижения договоренности с другими людьми, результатом чего являются стойкие неэффективные паттерны поведения (неадекватные образцы, не поддающиеся адаптации модели поведения)» [6, с. 30].

В настоящее время актуальность исследования буллинга в подростковой среде связана с тем, что на сегодняшний момент не выработаны активные способы пресечения, а главное – выявления буллинга в образовательной среде, и именно бездействие педагогов и

других участников образовательного процесса становится печальным показателем социальной приемлемости такого поведения в нашем обществе для подрастающего поколения, и, следовательно, для взрослых людей в будущем [5].

Изучая ролевую структуру буллинга и личностные особенности его участников, в 2012 г. мы провели эмпирическое исследование влияния позиции человека в таком социальном явлении, как буллинг, на формирование у него агрессивного поведения. Мы стремились прояснить вопросы о закономерностях распределения ролей, доле участия каждого подростка в межклассовых формированиях, агрессивно настроенных группировках подростков, и о причинах личного негативного отношения одних несовершеннолетних к другим, так как далеко не каждый подросток является участником буллинга. Основной акцент исследования был сделан на соотношении позиции жертвы буллинга и уровня ее агрессивности.

Методы исследования и выборка

В исследовании участвовали 150 подростков в возрасте от 15 до 18 лет. Исследование проводилось с помощью следующих методик: анкеты, разработанной нами для сбора сведений об агрессивном поведении испытуемых и агрессивных воздействий на них со стороны других людей, метода социометрии, Шкалы самоуважения Розенберга, Опросника диагностики агрессивного поведения Басса-Перри [2].

Результаты исследования

Исследование показало, что буллинг имеет огромные масштабы в подростковой образовательной среде: всего с буллингом в студенческой среде сталкиваются, по результатам опроса, 89 % студентов, и только 11 % студентов никогда с буллингом не встречались.

Результаты социометрического исследования и анкетирования позволили выделить три группы испытуемых, участвующих в буллинге: агрессоры, жертвы и булли/жертвы. Из студентов, которые сталкивались с буллингом, 8 % находились в роли агрессора, 22 % – в роли жертвы, 43 % – в роли и агрессора и жертвы, и 16 % опрошенных студентов были только наблюдателями буллинга.

Анализ результатов показывает, что агрессоров буллинга выявилось наименьшее количество по сравнению со всеми другими категориями испытуемых. Это говорит о том, что агрессия чаще всего является следствием или причиной пребывания подростка также и в позиции жертвы буллинга. Именно поэтому у подростков, которые выступают только агрессорами в буллинге, скорее всего, агрессивные тенденции являются устойчивым паттерном поведения. Также результаты свидетельствуют, что наибольшее количество испытуемых оказываются в роли агрессора/жертвы.

В исследовании также была выявлена закономерность, которая свидетельствует о том, что в большинстве случаев испытуемые, которые занимают позицию агрессора/жертвы в буллинге, выступают в роли жертвы в одном типе буллинга, а в роли агрессора – в другом. Это говорит о некотором компенсаторном характере агрессивных тенденций: по различным причинам жертвы не могут противостоять давлению на них, дать так называемый отпор агрессору, и они вымещают свою агрессию на других людях и другим способом, не идентифицируясь со своим обидчиком. Исключение из данного наблюдения составляет вербальный буллинг, в котором при помощи взаимных словесных оскорблений испытуемые довольно часто находятся в двойной роли агрессора/жертвы. Чаще всего подростки сталкиваются с вербальным типом буллинга, реже всего – с электронным.

Проанализировав гендерный аспект буллинга, мы сделали вывод, что наибольшее число девушек занимают в буллинге позицию агрессоров/жертв – 36 %. Среди юношей значительно большее число играют эту роль – 57 %, возможно, в силу ряда личностных

особенностей, которые необходимы для того, чтобы постоять за себя в ответ на обиду. Это подтверждается тем фактом, что 34 % девушек занимают позицию жертвы в буллинге, а юношей среди жертв буллинга нет. Полученные результаты свидетельствуют также, что не вовлеченных подростков в буллинг значительно больше среди юношей, чем среди девушек – 24 % и 4 % соответственно. Наблюдателями во всех типах буллинга в подавляющем большинстве случаев являются девушки. Анализируя типы буллинга, в которые вовлечены девушки и юноши, мы получили результаты, указывающие на то, что девушки более активно участвуют во всех типах буллинга. В наибольшей степени девушки склонны к вербальному и социальному типам буллинга, что вполне объяснимо с точки зрения ожидаемого от девушек поведения, – они в большей степени склонны к вербализации своих эмоций, нежели к использованию силы. Юноши же склонны в большей степени к физическому типу буллинга.

При анализе отдельно роли девушек и роли юношей в различных типах буллинга выявилось следующее.

В физическом буллинге юноши чаще девушек становятся агрессорами, а жертвами физического буллинга юноши и девушки становятся одинаково часто – в 25 % случаев, также 25 % юношей и девушек в физическом буллинге играют роли агрессора/жертвы.

В вербальном буллинге девушки и юноши одинаково часто, в 23 % случаев, становятся агрессорами, а вот агрессорами/жертвами намного чаще становятся юноши – в 53 % случаев, по сравнению с 24 % девушек. Девушки в вербальном буллинге занимают позицию жертв в 12 % случаев, в отличие от юношей, которые не становятся жертвами вербального буллинга.

В социальном буллинге чаще всего жертвами становятся девушки, примерно в половине всех случаев (47 %, по сравнению с 29 % юношей), при этом агрессоров, как среди девушек, так и среди юношей, крайне мало – 8 % и 7 % соответственно. Это, на наш взгляд, может говорить о недооценке подростками смыслового содержания собственных слов, возможно, они просто не замечают, как распускают слухи, сплетни или смеются над кем-то. Агрессорами/жертвами в большинстве случаев становятся в социальном буллинге юноши.

Электронный буллинг – дополнительный во многих классификациях тип буллинга – занимает в большей степени юношей, которые выступают в роли агрессоров. 23 % юношей и 20 % девушек становятся жертвами электронного буллинга. Юноши чаще, чем девушки, становятся агрессорами и жертвами одновременно в этом типе буллинга – в 23 % и 11 % случаев соответственно.

При анализе результатов диагностики агрессивного поведения выявилось, что в наибольшей степени агрессия присуща испытуемым группы агрессоров/жертв буллинга, у них показатель агрессии наибольший по сравнению с испытуемыми других групп (табл. 1).

Таблица 1

Сравнение показателей агрессии в группах испытуемых жертв, агрессоров и агрессоров/жертв буллинга (критерий Манна–Уитни)

Рассматриваемый параметр	Группа жертв буллинга, μ (σ)	Группа агрессоров/жертв буллинга, μ (σ)	Уровень значимости различий
1	2	3	4
Физическая агрессия	18,15 (4,24)	25,65 (5,73)	0,031
Гнев	19,46 (2,82)	23,04 (5,16)	0,121
Враждебность	23,85 (5,14)	21,61 (6,67)	0,627

Интегральная шкала агрессии	60,46 (12,3)	69,30 (13,45)	0,019
Рассматриваемый параметр	Группа агрессоров буллинга, μ (σ)	Группа агрессоров/жертв буллинга, μ (σ)	Уровень значимости различий
Физическая агрессия	23,57 (7,12)	25,65 (5,73)	0,674
Гнев	23,29 (14,17)	23,04 (5,16)	0,882
Враждебность	18,86 (8,71)	21,61 (6,67)	0,036
Интегральная шкала агрессии	64,72 (5,77)	69,30 (13,45)	0,513
Рассматриваемый параметр	Группа агрессоров буллинга, μ (σ)	Группа жертв буллинга, μ (σ)	Уровень значимости различий
Физическая агрессия	23,57 (7,12)	18,15 (4,24)	0,217
Гнев	23,29 (14,17)	19,46 (2,82)	0,035
Враждебность	18,86 (8,71)	23,85 (5,14)	0,029
Интегральная шкала агрессии	64,72 (5,77)	60,46 (12,3)	0,357

Примечание. Уровень значимости равен 0,05.

У агрессоров/жертв буллинга враждебность выше, чем у группы агрессоров буллинга, из-за периодической роли жертвы в обществе, но также у агрессоров выявляются высокие показатели по физической агрессии и интегральному показателю агрессии по сравнению с жертвами буллинга. Данные результаты связаны с тем, что у агрессоров/жертв буллинга почти в 30 % случаев превышена норма по всем компонентам агрессии: поведенческому, эмоциональному и когнитивному, что и приводит к высоким результатам по показателю агрессии в общем (рис.).

Из результатов исследования, отраженных в табл. 1, видно, что агрессоры буллинга имеют самые низкие показатели по враждебности, но при этом обладают более высокими по сравнению с жертвами буллинга результатами по показателю гнева – превышение нормы в 30 % случаев, что говорит об их раздражительности и эмоциональной неустойчивости, а также о быстроте эмоциональных реакций, без задержки на обдумывание (рис.).

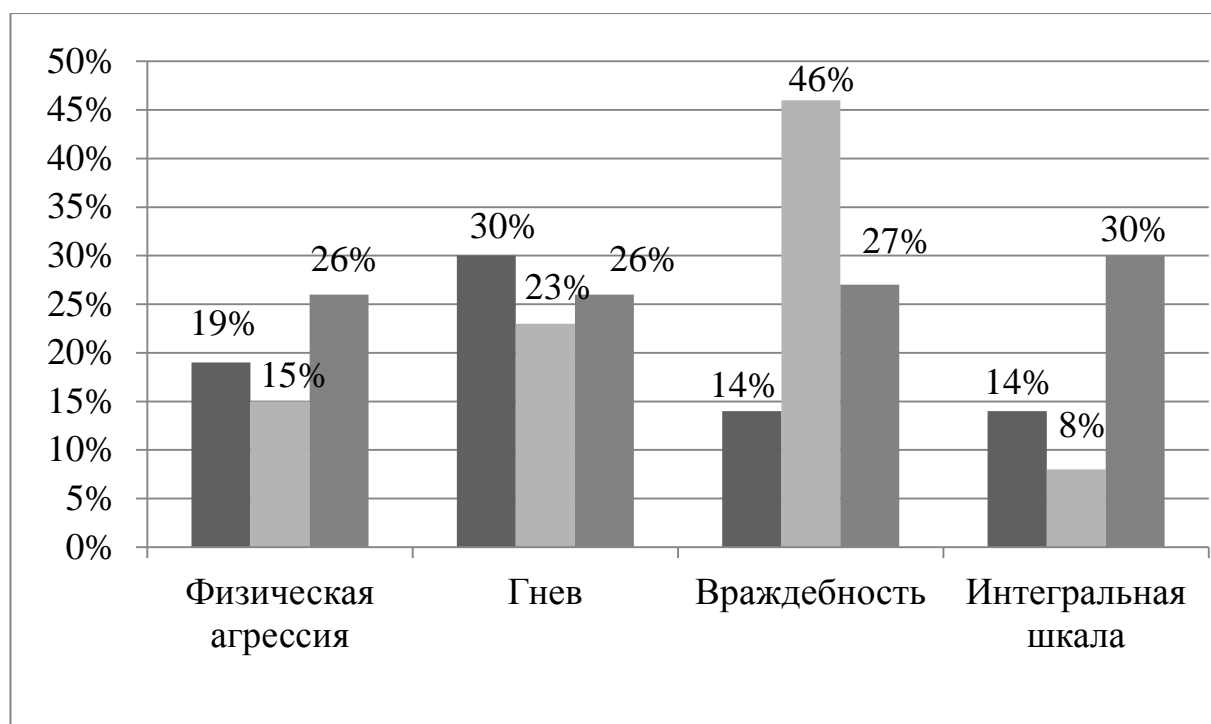

Рис. Результаты диагностики агрессии в группах агрессоров, жертв и агрессоров/жертв буллинга (показатели выше нормы): ■ – агрессоры, □ – жертвы, ▒ – агрессоры/жертвы; % – частота встречаемости показателей

У жертв буллинга, на которых и было обращено наше основное внимание, выявились сниженные относительно других групп показатели по общей агрессии (только у 8 % жертв выявились высокие результаты по интегральной шкале агрессии), а также физической агрессии и гневу, что говорит об их меньшей раздражительности по сравнению с другими участниками буллинга (табл. 1). Однако исключение составил показатель враждебности, результаты по которому у жертв являются наиболее высокими среди других групп, у 46 % жертв буллинга враждебность превышает среднее значение (рис.).

Исходя из полученных данных, можно сделать заключение, что результаты частично подтвердили нашу гипотезу, поскольку, как выяснилось, жертвы буллинга не обладают высоким уровнем агрессии. Однако по одному из компонентов агрессии, а именно когнитивному, т. е. враждебности, у жертв буллинга действительно выявляются высокие результаты, что может стать почвой для развития и проявления в определенной ситуации агрессивных тенденций.

Из результатов анализа диагностики самооценки в группах испытуемых следует, что у жертв буллинга в 30 % случаев сильно занижены показатели по самоуважению, выявляются заниженная самооценка в целом, а также высокие показатели самоуничижения (у 15 % испытуемых результаты повышены) по сравнению с агрессорами буллинга (табл. 2).

Таблица 2

Сравнение показателей самооценки в группах испытуемых жертв, агрессоров и агрессоров/жертв буллинга (критерий Манна-Уитни)

Рассматриваемый параметр	Группа жертв буллинга, μ (σ)	Группа агрессоров/жертв буллинга, μ (σ)	Уровень значимости различий
1	2	3	4
Самоуважение	10,8 (3,78)	19,5 (29,12)	0,019
Самоуничижение	14,2 (23,69)	14,5 (27,14)	0,874
Самооценка	25 (4,47)	34 (17,33)	0,014
Рассматриваемый параметр	Группа агрессоров буллинга, μ (σ)	Группа агрессоров/жертв буллинга, μ (σ)	Уровень значимости различий
Самоуважение	18,3 (24,07)	19,5 (29,12)	0,697
Самоуничижение	10,1 (5,68)	14,5 (27,14)	0,043
Самооценка	28,4 (6,02)	34 (17,33)	0,372
Рассматриваемый параметр	Группа агрессоров буллинга, μ (σ)	Группа жертв буллинга, μ (σ)	Уровень значимости различий
Самоуважение	18,3 (24,07)	10,8 (3,78)	0,024
Самоуничижение	10,1 (5,68)	14,2 (23,69)	0,005
Самооценка	28,4 (6,02)	25 (4,47)	0,498

Примечание. Уровень значимости равен 0,05.

Высокие показатели по самоуничижению у жертв буллинга связаны обратной связью с враждебностью и агрессией, т. е. чем выше у жертв буллинга самоуничижение, тем меньше они склонны к агрессии (из-за полного отсутствия решительности) и тем меньше они проявляют враждебность, так как все нападки со стороны окружающих они принимают на свой счет и считают заслуженными, что и понижает тенденции к защите, а значит и к ответной агрессии. Такие особенности личности жертв порождают у них депрессивные состояния, тревожность, психосоматические расстройства, безынициативность в общении, отсутствие каких-либо лидерских тенденций, чувство межличностной уязвимости, дистантные отношения с родителями, что в результате значительно нарушает их социализацию. Низкая самооценка, неуверенность в себе, подозрительность и обидчивость жертв также могут формировать в их сознании фундамент для построения изначально ошибочных концепций, которые могут в будущем сильно отразиться на их поведении и реакциях.

Агрессоры буллинга, как показало исследование, обладают достаточно высоким уровнем самооценки (высокие показатели самооценки выявились у 57 % агрессоров буллинга), что вкупе с тем, что агрессоры обладают низким показателем враждебности, говорит об их уверенности в себе, отсутствии подозрительности, обидчивости. Из результатов следует, что агрессоры буллинга отличаются от других активностью в общении, желанием к лидерству, чувством межличностной безопасности. У агрессоров выявились высокие показатели по самоуважению, особенно в сравнении с жертвами буллинга, и низкие, по сравнению с другими участниками буллинга, показатели по самоуничижению, что делает их нечувствительными к замечаниям окружающих, закрытыми для опыта (табл. 2). Высокие показатели по самоуважению у агрессоров

оказались напрямую связаны с показателями гнева и агрессии. Таким образом, беспелляционная уверенность агрессоров в себе и своей правоте, их повышенное самоуважение, влекут за собой раздражительность (из-за несоответствия реальности и реакций окружающих их завышенным ожиданиям и мнению о себе), что и приводит их к агрессивности.

Из результатов исследования, представленных в табл. 2, также следует, что у группы агрессоров/жертв буллинга повышены результаты по компонентам самооценки (самоуважению – у 39 % и самоуничижению – у 30 % испытуемых данной группы), что является наивысшими результатами по сравнению с другими ролевыми группами буллинга и позволяет говорить о неадекватно завышенной самооценке, где самоуважение выступает в защитной функции. Самооценка, самоуважение и самоуничижение у агрессоров/жертв обратно взаимосвязаны с показателями гнева, враждебности и агрессии. Таким образом, чем выше у них самооценка и самоуважение, тем ниже у агрессоров/жертв гнев, враждебность и агрессия, т. е. при их высокой уверенности в себе, которая, как мы предполагаем, является защитной функцией и носит компенсаторный характер, агрессоры/жертвы становятся менее раздражительными, подозрительными и обидчивыми, а, следовательно, и менее агрессивными в общем. В другом случае у агрессоров/жертв при высоких показателях самоуничижения также снижается агрессия, но по другому механизму: поскольку, в частности, понижаются гнев, враждебность, постольку они начинают видеть причины своих проблем в себе самих, что приводит к снижению у них уверенности в себе, самобичеванию, оценке издевательств и укоров в их сторону как заслуженных, что и приводит к снижению агрессии. Тем не менее, уровень физической агрессии у агрессоров/жертв во всех ситуациях не меняется и остается всегда высоким, т. е. при определенных обстоятельствах агрессор/жертва, даже при высокой самооценке и уверенности в себе или высоком самоуничижении, совершает физические агрессивные действия, носящие, скорее всего, оборонительный характер.

Таким образом, выявилось, что ролевая группа агрессоров/жертв буллинга имеет высокие показатели агрессии и самооценки, что, на наш взгляд, может приводить к развитию депрессивных состояний, тревожности, к эмоциональной и поведенческой неустойчивости, возможно, психосоматическим симптомам. Это может неблагоприятно отражаться на формировании их личности и адаптации в обществе. Учитывая результаты исследования, нами был сделан вывод, что группа агрессоров/жертв буллинга является наиболее сложной и опасной для развития личности подростка, и, что особенно важно, среди испытуемых наибольшее их количество (43 %) в буллинге занимают именно эту позицию.

Проведенное исследование также выявило, что преподаватели чаще всего не знают о буллинговых действиях в среде обучающихся, а если и знают, то практически в половине случаев не предпринимают никаких мер по предотвращению, пресечению или осуждению таких действий, что формирует у подростков отношение к буллингу как в некоторых случаях допустимому стилю поведения. Результаты говорят о терпимости к буллингу в образовательной среде и об отношении к такому поведению как к типичному для подросткового возраста и привычному в настоящее время. Такие убеждения и отношение преподавателей и общества к буллингу являются большой проблемой для социума и огромным препятствием на пути к формированию здоровой личности у подрастающего поколения.

Заключение

Подводя итог всему вышеизложенному, можно заключить, что буллинг имеет большое распространение в нашей стране, и большинство его участников становятся одновременно и жертвами и агрессорами буллинга. А учитывая современную ситуацию развития нашего общества, психосоциальные особенности участников буллинга, можно прогнозировать

неблагоприятное формирование личности и адаптации в обществе агрессоров/жертв буллинга.

Благодаря проведенному исследованию становится очевидным, что необходимо выявлять и пресекать все виды буллинга, любые его формы – издевательства, просто обзывания или изоляции учащегося, так как эти ситуации не могут считаться нормальными в образовательном учреждении.

Между тем многие обыватели полагают, что пережить в школе подобное необходимо каждому человеку, поскольку ошибочно считают эти ситуации «школой жизни». В связи с этим очень важно разъяснить родителям и преподавателям, что буллинг – это не единичная реакция в определенной ситуации, а стойкие неэффективные паттерны поведения, которые вносят серьезные ограничения в развитие ребенка. Более того, необходимо привлечь особое внимание к жертвам буллинга в образовательной среде.

Литература

1. Вишневская В.И., Бутовская М.Л. Феномен школьной травли: агрессоры и жертвы в российской школе // Этнографическое обозрение. 2010. № 2. С. 55–68.
2. Ениколопов С.Н., Цибульский Н.П. Психометрический анализ русскоязычной версии Опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. № 1. С. 115–124.
3. Петросянц В.Р. Психологическая характеристика старшеклассников, участников буллинга в образовательной среде, и их жизнестойкость: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2011. 30 с.
4. Регуш Л.А. Самоотношение подростков и переживание проблем школьной жизни // Известия российского государственного университета им. А.И. Герцена. 2009. № 100. С. 57–65.
5. Файнштейн Е.И. Моббинг, буллинг и способы борьбы с ними // Директор школы. 2010. № 7. С. 72–76.
6. Bullies, victims, and bully/victims: Distinct groups of at-risk youth / Haynie D.L., Nansel T., Eitel P. et al. // Journal of Early Adolescence. 2001. № 21. P. 29–49.
7. Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do (Understanding Children's Worlds). Oxford UK: Blackwell Publishers, USA, 1993. 140 p.
8. Olweus D. Bully/victim problems among schoolchildren: Basic facts and effects of a school-based intervention program// D.J. Pepler, K.H. Rubin (Eds.). The Development and Treatment of Childhood Aggression. Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1991. P. 411–448.
9. Totten M. Assessment Toolkit for Bullying, Harassment and Peer Relations at School . Ottawa: Canadian Public Health Association, 2004. 166 p.

Influence of the Bullying Victim Position on Aggressive Behavior

Huseynova E.A.,

Master in Psychology, Educational Psychologist, Polytechnic College no. 39, Moscow, Russia, polikashkina@mail.ru

Yenikolopov S.N.,

PhD (Psychology), Professor, Chair of Clinical and Forensic Psychology, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology & Education, Moscow, Russia, enikolopov@mail.ru

In a study involving 150 adolescents aged 15 to 18 years the emphasis was placed on the connection of the bullying victim position and level of aggressiveness. The following methods were used: a questionnaire, a method of sociometry, Rosenberg self-esteem scale, Bass-Perry aggressive behavior diagnosis questionnaire. We tested the assumption that the people occupying the bullying victim position, have a high level of aggression. Analysis of the results showed that the greatest number of subjects play the role of the aggressor / victim, and most often, adolescents face verbal type of bullying. The study analyzed the gender aspect of bullying. It was concluded that the group of bullying aggressors / victims is the most difficult and dangerous for the development of the personality of a teenager. Also, we made conclusions about poor awareness about bullying in teachers and tolerance to bullying in the educational environment. Due to the above study, we identified and describe the mechanisms of formation and manifestation of aggressive behaviors in bullying.

Keywords: school, teenagers, social adaptation, aggressive behavior, self-esteem, bullying, victimization, victim.

References

1. Vishnevskaya V.I., Butovskaya M.L. Fenomen shkol'noi travli: agressory i zhertyvy v rossiiskoi shkole [The Phenomenon of school bullying: aggressors and victims in the Russian school]. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic review]*, 2010, no. 2, pp. 55-68.
2. Enikolopov S.N., Tsibul'skii N.P. Psikhometricheskii analiz russkoiazychnoi versii Oprosnika diagnostiki agressii A. Bassai M. Perri [Psychometric analysis of the Russian version of the BPAQ (Buss-Perry Aggression Questionnaire)]. *Psikhologicheskii zhurnal [Psychological journal]*, 2007, no. 1, pp. 115-124.
3. Petrosiants V.R. Psikhologicheskaya kharakteristika starsheklassnikov, uchastnikov bullinga v obrazovatel'noi srede, i ikh zhiznesteikost': avtoreferat diss. kand.psikhol.nauk [Psychological characteristics of high school students, participants of bullying in the educational environment, and their viability. Ph.D. Thesis.]. St. Petersburg, 2011. 30 p.
4. Regush L.A. Samootnoshenie podrostkov i perezhivanie problem shkol'noi zhizni [Self-experience of adolescents and experience of the problems of school life]. *Izvestia rossiiskogo*

gosudarstvennogo universiteta im. A.I. Gertsena [Izvestia of the Russian state University A.I. Herzen], 2009, no. 100, pp. 57-65.

5. Fainshtein E.I. Mobbing, bullying I sposoby bor'by s nimi [Mobbing, bullying and how to deal with them]. Direktor shkoly [Director of the school], 2010, no.7, pp. 72-76.

6. Bullies, victims, and bully/victims: Distinct groups of at-risk youth / Haynie D.L., Nansel T., Eitel P., Crump A.D., Saylor K., Yu K., et al. Journal of Early Adolescence, 2001, no. 21, pp. 29-49.

7. Olweus D. Bullying at School: What We Know and What We Can Do (Understanding Children's Worlds). Oxford UK: Blackwell Publishers, USA, 1993. 140 p.

8. Olweus D. Bully/victim problems among schoolchildren: Basic facts and effects of a school-based intervention program. The development and treatment of childhood Aggression . D. J. Pepler, K. H. Rubin (Eds.). Hillsdale, N.J.: Erlbaum, 1991, pp. 411-448.

9. Totten M. Assessment Toolkit for Bullying, Harassment and Peer Relations at School . Ottawa: Canadian Public Health Association, 2004. 166 p.